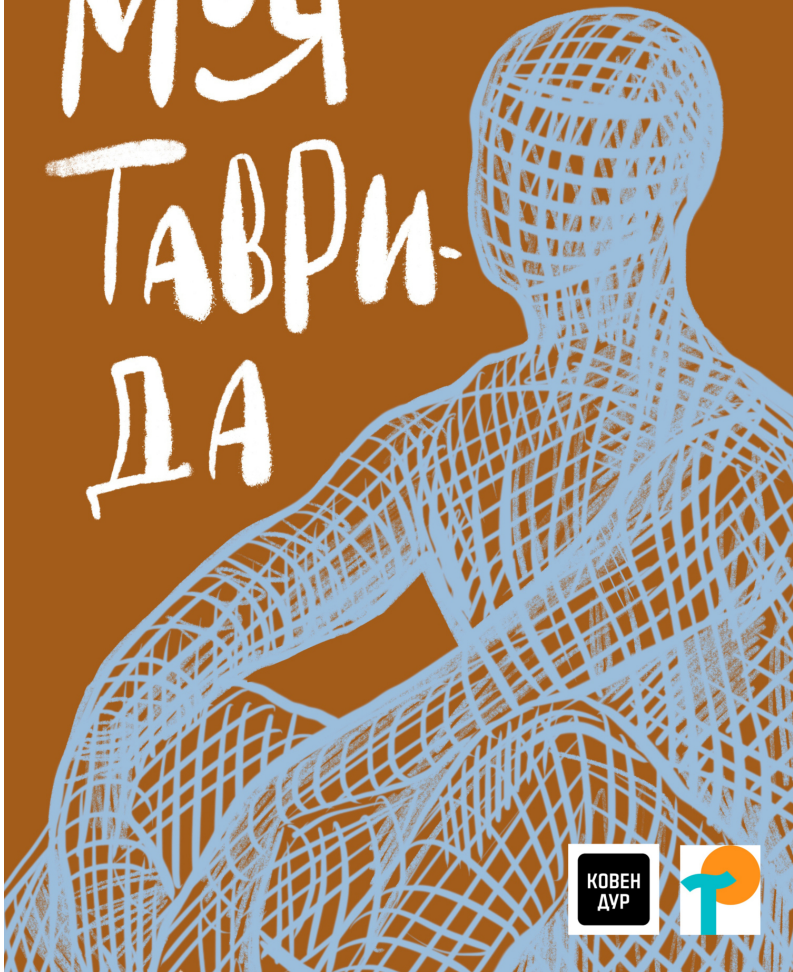

Моя Таври- да

**Алексей Бачаев
Дмитрий Сергеевич Ткаченко
Мария Алексеевна Рождественская
Екатерина Бордон
Алёна Шилова
Никита Фред Декс
Анастасия Сагирова
Александра Яковлева
Ольга Птицева
Тони Елкович
Моя Таврида**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64110991

Аннотация

Представьте себе безлюдный Марс, колонизированный писателями. Марс на берегу Черного моря. Марс, куда прилетели учиться писать и говорить про книги молодые литераторы со всей страны. Представили? А теперь убедитесь, что такое место существует наяву!

В августе 2020-го команда Литрес: Самиздат и соведущие окололитературного подкаста «Ковен Дур» провели мастерскую

в рамках антишколы литературы и медиа для молодых взрослых на форуме «Таврида». А после окончания смены участники смены не смогли быстро проститься с творческой атмосферой «Тавриды», поэтому появился этот сборник – серия автофикшн-рассказов.

Мы собрали тексты в сборнике «Моя Таврида», как собирают фотографии прошедшего лета. На долгую память, которой хочется поделиться.

Содержание

Ольга Птицева. Двадцать девять	6
Никита Фред Дэкс. Четвертый человек	10
Полина Гончарова. Рассказ про матрас	20
Тоня Елкович. Тоня – болтливая книжка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Моя Таврида

© Обложка. Марина Козинаки

Ольга Птицева. Двадцать девять

Двадцать девять лет мне исполнилось на деревянном крыльце домика под номером сто двенадцать. Единственно-го расписного домика на всю жилую зону Тавриды. Цветастые львы смотрели на меня сквозь густую крымскую ночь, в кустах стрекотало, из сан-сектора доносилось что-то умиротворенное, за дверью гудела писательская компашка, готовая чествовать именинницу по всем традициям детского лагеря.

Я присела на ступеньку. Через две линии домиков от меня шумело море. Я слышала его через голоса, смех и музыку. Чувствовала, что оно там. Бессонное августовское море. Волны, соль и галька. Отзвуки дневных разговоров.

– Если публиковаться, то только в “Дружбе Народов”, конечно.

– “Юность” тоже хорошо. Я вчера ходил к ним на воркшоп.

– И как?

– Здорово, как еще? Ждут новых авторов. Ищут новые голоса.

– Осталось только написать что-нибудь годное.

– Ага, прямо сейчас садись и пиши.

– Сейчас не могу.

– Почему?

– Сейчас у нас обед. А потом каякинг и батл стихотворный в большом шатре.

Параллельный мир, странным образом принадлежащий одним только писателям. Писатели стояли в очереди за греческой питой с овощами. Писатели горланили “Батарейку” у ночного костра. Травили страшные байки. Дышали в асане воина на рассвете. Спешили из одного шатра в другой, чтобы успеть на все ворк-шопы из возможных. Сидишь на качелях у пляжа, улетаешь в море, возвращаешься обратно, а вокруг спорят о шорт-листе Нацбеста, мудрено шутят про постмодерн, меряются скоростью прочтения “Бесконечной шутки”.

– Ты на Елизарова пойдешь?

– Я ради него и приехал!

– А я “Ковен Дур” послушать хотела.

– Каких дур?

– Тихо! Вон девушки сидят, это они.

– Дуры? А вроде бы ничего такие... Хотя смеются громковато, да.

– Да ну тебя!..

Удивительней всего оказалось здороваться с каждым, кто идет навстречу. Улыбаться, сначала растерянно, потом радостно. Сколько нас в этой смене? Двести человек? В год, когда одиночество било с утроенной силой, оказаться среди своих, шумных, радостных и увлеченных, стало моим спасением.

– Поедем?

– Поедем, конечно.

– А что там делать надо?

– Согласна на все, только поехали.

Я полгода тосковала в четырех стенах. А теперь говорила про книги для молодых взрослых и заново влюблялась в свое дело. И в людей, которые горят им вместе со мной. Прошлым летом, начиная свой первый литературный курс, я и подумать не могла, что следующим августом буду вещать про роман-взросление, глядя через окна шатра на соленый прибой.

– Во второй половине двадцатого века роман-воспитание утратил свою актуальность. Никому больше не хотелось, чтобы мораль транслировалась прямо в лоб. Нудные училки больше не в моде, понимаете ли.

В зале улыбаются. Мы все босиком. На мне легкое платье. Мари прикрывает плечи накидкой. Сашка села на пол у первого ряда. Кондиционер дует в нас холодком, а снаружи полдень и зной. Дни слились в один плотный комок радостного удивления – это все с нами? мы здесь? на самом деле? ничего себе!

И вот мне двадцать девять. От смены остался хвостик – два дня, а потом окунуться в последний раз, помахать задумчивой фигуре на обрыве, оставить монетку под матрасом. Может, вернемся. Бывают же чудеса. Мне двадцать девять. Я состою из букв и слов. Я вбираю в себя образы, а потом они обретают жизнь в новых историях.

Моя Таврида – про союзничество пишущих, про причаст-

ность к большому и важному. Моя Таврида – про двадцать девять на крыльце расписного домика. Моя Таврида – про людей, ждущих меня внутри.

Никита Фред Дэкс.

Четвертый человек

– Не хочу никуда ехать, – прохрипел я.

– С ума сошел? Это же твой шанс! Ты хочешь быть писателем или где? – возмутился Йон.

– Я очень хочу быть писателем, но там же люди. Я не люблю людей. К тому же болею. Ты прекрасно знаешь, что сейчас даже чихнуть нельзя, чтобы окружающие не заподозрили у тебя это, сам знаешь что.

– Да, – усмехнулся Йон, – надо же было умудриться заболеть за два дня до поездки. Но ты, главное, сопли и слюни не распускай. Оклемаешься быстро и послезавтра как новенький поедешь в Крым.

– А может, не надо?

– Надо, Никитушка, надо.

В середине июля я подал заявку на участие в творческом форуме «Таврида» как независимый писатель. К тому моменту я уже написал две книги, штук десять рассказов и стихотворений. Но мало кто об этом знал: моими главными читателями были родственники, немногочисленные друзья и Йон.

Последний и сподвигнул меня отправить заявку. Он доходчиво объяснил, что это шикарный шанс засветиться, за-

иметь «правильные» связи и пропихнуть свои книги. Хотя я всего лишь хотел тихонько писать тексты и ни с кем не взаимодействовать.

Втихаря я, конечно, мечтал, что на «Тавриде» меня заметят видные издательства и предложат контракт на десять книг вперед с такими гонорарами, чтобы и на кофеек хватило, и на путешествия, и на новый ноутбук с настолько качественным софтом и нежной клавиатурой, что тексты бы сами писались.

Когда пришел положительный ответ от организаторов, Йон скакал по квартире. Он вопил, смеялся и даже пару раз сделал «колесо». Я тоже сначала обрадовался, но потом приуныл. Ведь столько всего надо сделать. Столько собрать справок и прочего. А сколько сложностей будет на самом мероприятии! Можно я никуда не поеду?

Йон суетился всю неделю перед отбытием. Он напряг родителей и родственников, чтобы помогли с деньгами и справками. А я простудился за несколько дней до отъезда и слег с соплями и кашлем.

– Ничего, прорвемся! – сказал он мне и запрыгнул на верхнюю полку купе поезда.

Нам предстояло по железной дороге добраться до Москвы, а оттуда самолетом в Симферополь. Билеты уже куплены. План идеален. Если бы не одно «но»: между приездом в Москву и вылетом самолета было всего два часа. А предстояло еще проехать полгорода до аэропорта.

Я не спал всю ночь – переживал, что мы не успеем на самолет. Йон спал так крепко, что даже в туалет не вставал. Утром мы выползли на перрон московского вокзала. Я в черных спортивных штанах, кедах и толстовке. Йон в синей незаправленной рубашке, джинсах и босиком.

На вокзале Йон встретил какую-то знакомую, с которой не виделся лет семь и разговорился о жизни. Конечно! Самое время...

На регистрацию мы опоздали всего на пять минут – в самолет нас не пустили. Я сел на ближайшее сиденье и устал в одну точку. Я не спал почти две ночи, я болел, я устал от всего этого стресса и транспорта, а он стоял рядом и с перерывами на смех повторял:

– Дорожное приключение, дорожное приключение!

Йон оббежал весь аэропорт, обзвонил всех организаторов, хотел даже тайком пробраться на борт, но все без толку: самолет улетел без нас.

– Поехали домой, – простонал я.

– Ничего подобного, – ответил Йон и потрепал мои кудрявые волосы. Ненавижу, когда трогают волосы.

Йон все же раздобыл нам новые билеты, и мы спустя полдня обитания в аэропорту сели в самолет. Наши места оказались самыми последними в хвосте, где сильно трясло и пассажиры постоянно ругались с бортпроводницами, чтобы попасть в туалет.

Я надел наушники, пытаюсь абстрагироваться и забыться

в медитации. Йон сразу же разговорился с девушкой в соседнем кресле.

Как же я боюсь летать...

На «Тавриду» нас привезли уже ночью, когда церемония открытия закончилась. Нас разместили в домике с двумя двухъярусными кроватями. Я занял кровать снизу. Йон забрался наверх. Он всегда любит выше, быстрее, сильнее.

Он сразу же отправился на прогулку. Я выскочил за ним и второпях забыл толстовку. Йон шел впереди, хромая по острому гравию, но обувь так и не надел. Я шел за ним и ежился от холода.

Йон растворился во тьме, а передо мной открылась дикая, но прекрасная картина. Я стоял на холме, а внизу горел огромный костер, вокруг которого сидели люди и пели. Это было так чудесно. Я посмотрел на звезды и улыбнулся.

Вдруг стало теплее. Я спустился к костру и почувствовал себя дома. Огонь горел внутри черной металлической клетки, напоминающей птичью. Рядом сидел паренек, играл на гитаре и пел. Я вспомнил молодость.

Я хотел сесть на качели подальше от всех, но Йон указал на свободное место прямо напротив музыканта. Я безмолвно проследовал туда. Я пел все песни, даже не зная их. Я смотрел на людей и чувствовал в них что-то родное, хотя видел их впервые.

– Завтра важный день. Будут выступать главы основных издательств. Тебе надо будет проявить себя, рассказать что-

нибудь о себе. Вывести их на диалог, – сказал мне Йон, когда мы шли к домику от костровой.

– Не знаю, как-то неудобно все это, – ответил я.

– Тебе тридцать два года. В тебе метр восемьдесят роста и мышцы, у тебя борода и татуировки. И ты боишься человеку вопрос задать?

– А как это делается?

– Назови свое имя и скажи, что собираешься стать всемирно известным писателем. А дальше все само пойдет.

– Не слишком ли пафосно?

– Ты собираешься стать всемирно известным писателем или нет?

– Ну, да...

– Вот и действуй тогда!

– Но ты же знаешь, что у меня не очень с этим. Просто-то к людям подойти сложно. А тут генеральные директора издательств...

– Так... Значит, сейчас потренируешься. Видишь, впереди парни и девчонки идут? Просто подойди и познакомься.

– А что сказать?

– Скажи «Привет, ребятки. Как дела?», и разговор начнется.

– Странно это все – подходить к людям и задавать бессмысленные вопросы...

Полночи я не мог уснуть. Все думал, как же я завтра при всех буду обращаться к людям, а ведь даже наедине это да-

ется мне тяжело.

Проснулся я – будто вышел из комы. С трудом запихнув в себя завтрак в столовой, я направился через пыльное поле в огромный шатер, где и происходила встреча со спикерами. Я пошел к задним рядам, но увидел, что Йон машет мне с первого. Он занял мне место прямо напротив ведущего и редактора известного издательства.

В конце выступления я поднял трясущуюся руку и промямлил что-то невразумительное. Время остановилось. Я увидел, как взгляды всего зала устремились на меня. Я вспомнил школу. Вспомнил, как не мог выдавить из себя и пары слов, а учительница презрительно ставила двойку под звонкий хохот одноклассников.

Вдруг туман неприятных воспоминаний рассеялся. Спикеры отшутились и в довольно позитивном ключе ответили, что мне надо больше стараться и все получится. Никто не смеялся надо мной, никто не пытался устыдить меня на глазах у всех. Приятное чувство.

На протяжении всего форума время ускорялось и замедлялось, вытворяя крайне невероятные штуки. Йон постоянно занимал мне место в первом ряду и подговаривал на всякие дикости. Я не сказал этого на выступлении спикеров, но позже взобрался на разноцветную пирамиду и проорал, что стану писателем, которого будут читать во всем мире. Такой свободы и легкости я никогда не испытывал.

– Подойди и поговори с ними, – прошептал мне на ухо

Йон, когда закончилась первая лекция писательниц, по выходным собирающихся на шабаше микрофонных говорунов.

Они были лучшими на этом празднике литературы и заряжали всех своей энергией и позитивом. Это окрыляло. Я подошел и что-то сказал. Они ответили, и мы просто поговорили. Теперь мы друзья. Или были ими в прошлой жизни?

Я забрался на холм, где стоит белый маяк, и осмотрелся. Подо мной раскинулась огромная территория в двести гектаров. Территория красоты, радости и вдохновения.

Около маяка сидела парочка. Они приехали на «Тавриду» вместе. То ли любовники, то ли брат и сестра: два почти идентичных альбиноса. Александра – блогер и медсестра, и Александр – автомеханик и поэт. Я подошел к ним и заговорил. Это было легко. Мы разговаривали, пока не пришло время идти на следующую лекцию. Потом мы часто встречались вчетвером: я, они и Йон.

Было много всего. Мы выезжали на пикник и запускали воздушных змеев. Водили хороводы в море и плавали на каяках. Качались ночью на качелях и смотрели фильмы с молодым Вуди Алленом. Ели арбуз под марсианские песни и покоряли деревянную крепость. Создали книгу кулинарных заклинаний «Абринектоперс» и играли «In the end» на огромном металлическом тамтаме.

Как-то вечером на дискотеке Йон вытащил из ниоткуда отрывной календарь на триста шестьдесят восемь страниц и порвал его пополам. Он любит подобные штуки: вытворить

нечто такое, чтобы все пришли в восторг, пусть даже из-за какой-нибудь глупости. Ирония заключалась в том, что почти никто этого не увидел. Зато он сильно порезал правую руку о металлическое крепление – вся ладонь была в крови.

Йон не пошел в медпункт. Просто приложил салфетку и продолжил плавно двигаться под музыку. А затем вытолкнул меня на середину танцпола, и мне пришлось делать вид, что я умею танцевать. Благо напротив меня оказалась девушка с эльфийскими глазами цвета черного солнца. Светлая и живая. Она двигалась так же безумно, как я. Это было прекрасно.

Я больше не чувствовал неловкости в общении с людьми. Да и как такое возможно, когда все вокруг говорят на будоражащие тебя темы. В домиках за закрытыми дверями обсуждали Сартра. На холме у моря под крики чаек – Баха. На пляже парни и девушки зачитывали отрывки из своих романов и стихотворений. В курилке обсуждали этику, феминизм и цензуру. Йон бродил где-то в одиночестве и разговаривал с вдохновением.

В этом творческом мире не нужно было притворяться. Можно было быть собой и не стесняться этого. Больше никто не посмотрит на тебя косо и не попытается побить за школой, потому что ты видишь музыку или не можешь понять, чем отличаются буквы от цифр. Ты особенный, и здесь это ценно. «Таврида» – место силы и вдохновения.

Мы мало спали, но постоянно были энергичными. Мы

плохо знали друг друга, но общались, как давние друзья. Мы вместе пели песни и качались в такт волнам. Никто не вернулся домой прежним. Все мы научились многому и повзрослели. Или, наоборот, омолодились.

В последнюю ночь мы отправились на холм высотой с пятиэтажный дом. Я шел впереди, позади меня альбиносы, где-то далеко во тьме шагал Йон.

Я забрался на самый верх и, дождавшись остальных, скатился с холма кубарем, отбивая себе бока, но хохоча как безумный. Остальные проделали то же самое и не один раз.

Мы снова поднялись наверх.

Мы сидели втроем: Саша, Саша и я.

– А где четвертый? – спросил я вдруг.

– Какой еще четвертый? – ответили в голос ребята.

– Ну, четвертый. С нами был четвертый человек, – неуверенно уточнил я.

– А кто это был? – спросил Александр.

– Как его звали? Или это была она? – спросила Александр.

– Не знаю, – ответил я, не понимая, почему улыбаюсь. – Кажется, недостаток сна и переизбыток эмоций сказываются. Мне на секунду показалось, что рядом со мной сейчас кто-то сидел.

Я посмотрел на руки и увидел на правой ладони свежий шрам, посмотрел на свои босые ноги, побитые гравием, и уверенно сказал:

– Ну, что, ребяташки, пойдем смотреть звезды!

– Да, Никитушка, – подхватили ребята.

Мы спустились к морю и всю ночь наблюдали, как падают звезды.

Так рождается волшебство.

Полина Гончарова.

Рассказ про матрас

– Уберите матрас с улицы! Вы совсем уже, что ли? Это крыльцо никто не моет, а вы сюда матрас вытащили. Как на нем спать теперь?! Унесите обратно в домик.

Матрас пролежал на крыльце два первых дня форума. Его вынесли мои соседи – Егор и Матвей – из своего домика. Им было хорошо отдыхать на матрасе, сидя на крыльце. В этом был особый шарм. Я их понимала: меня тоже звали посидеть на матрасе в старые добрые первые дни «Тавриды». И я, конечно, не отказывалась. Мягко, уютно, тепло, солнце немного слепит, мимо проходят другие участники форума, сминают гальку шлепками, щурятся, улыбаются на наши приветствия. И матрасу было хорошо: он грелся на солнышке и ловил на себе удивленные взгляды прохожих.

Мы приехали на антишколу литературы и медиа. Егор привез свою книжку и работал над ней, а Матвей сочинял стихи. А я... Я – журналист, или что-то вроде того. Между лекциями и мастерскими ребята спешили заглянуть на свое крыльцо – к матрасу. Он ждал их, а они ждали мягкой встречи с ним. Я тоже ждала, и меня ждали. Соседи читали мне свои произведения, мы слушали хорошую музыку и много смеялись. В степном Крыму, под теплым солнцем, купаясь

в веселом ветре и солоноватых волнах, невозможно не смеяться – слишком уж хорошо.

– Слышали про Северный Бархант? – как-то раз спросил Егор.

– Не.

– Не-а.

– Это виртуальное государство. Там свой паспорт, своя валюта, можно подать заявление и получить вид на жительство.

– И что это даст?

– Не знаю. Станешь северобархантцем.

– Лучше стать матрасовцем.

– Южно-матрасовцем. У нас будет своё королевство из трёх граждан: Южное Матрасово!

А потом пришла она – Лена, одна из координаторов. Ее требование убрать матрас с улицы казалось неоспоримым. Но мои храбрые соседи не могли сдаться так просто. Они ринулись защищать Южное Матрасово.

– Ну как же, Лена, матрасу здесь норм, а нам на матрасе вообще кайф!

– Мы же его не на землю положили, а на крыльцо!

– Ну давай мы что-то под него постелим!

– Ну давай мы подвинемся, ты с нами посидишь и поймаешь, как тут круто!

– Ты только посмотри, матрас был создан для этого крыльца! И размер идеально совпадает!

– Ну Ле-ена-а-а...

– Нет, ребят, уже дирекция ругалась, вас кто-то сфотографировал и отправил им фото. Заносите, – отрезала Лена.

Вокруг крыльца собралась компания зевак из участников форума, которые шли по солнечной территории из столовой. Вместо послеобеденного сна или похода на пляж они предпочли понаблюдать, как отвоевывают Южное Матрасово.

Мне было обидно за ребят. Они только создали целое государство! Наше государство! И тут же с ним приходится прощаться... Я стояла поодаль, наблюдала за тем, как Матвей и Егор терпели поражение. Хотелось подойти, крикнуть, оттолкнуть Лену и всех этих зевак! Но ноги не слушались, голос пропал... Так и простояла на месте.

– Ладно, заносим, – протянули Егор с Матвеем, нехотя встали и потащили матрас внутрь домика.

А потом вышли на крыльцо и демонстративно плюхнулись! Прямо на голое деревянное крыльцо.

– Наше место! Хоть и без матраса теперь...

* * *

Вечером мы с соседями отправились на променады. На «Тавриде» он выглядел так: десять минут шуршим по гальке, то и дело спотыкаясь о булыжники, еще десять минут идём мимо образовательных павильонов, подсвеченных огоньками, и оставшийся вечер карабкаемся по холмам степного

Крыма, а на них... красота!

Большущие скульптуры из пересекающихся и переплетающихся перекладин. Тут грустный человек сидит на холме спиной к маяку. Он смотрит на соседний мыс: на нем во весь рост стоит девушка. Кажется, ее зовут Ассоль, она смотрит вдаль на стекающий за горы шарик солнца. А на дальних холмах стоят замки, летают фениксы, плавают киты...

Все эти скульптуры создали ребята прошлых антишкол: они так же, как и мы, приехали сюда творить и вдохновляться. И оставили для нас такие красивые, большие и почему-то печальные арт-объекты. Трудно сказать, кто из них был более грустным: сидящий человек, глядящая вдаль Ассоль или Матвей с Егором, у которых забрали матрас.

– Круто, что такие талантливые ребята сюда приезжали. Прикольно сделали все-таки.

– А мы вот ничего сделать не можем, даже матрас вернуть...

Солнце провалилось за горизонт, стало темнеть. Словно по велению выключателя, вспыхнул маяк на соседнем холме.

– Придумал! – завопил Матвей и исчез.

Мы нашли его чуть позже сидящим на голом крыльце домика с ноутбуком.

– Что делаешь?

– Разбираюсь в фотошопе.

– Чего?

– Будем печатать матрас.

Слава организаторам форума, которые предоставили участникам все необходимое для творчества: в пятом павильоне стоял принтер.

Матвей замерил крыльцо листом А4, разделил картинку матраса на множество таких листов в фотошопе и помчал печатать матрас.

Когда мы с Егором пришли в пятый павильон, застали еще более печальную картину, чем была на холме. Матвей понурившись сидел перед принтером с небольшой стопкой листочков.

– Краска закончилась, – пробормотал он. – Есть ровно половина матраса.

Я не знала, как поддержать Матвея. Больше всего меня мучило, что я часть Южного Матрасова, но при этом не делаю ничего, чтобы спасти наше государство, помочь моим соседям. Какой же я журналист после этого, и уж тем более друг или гражданин Южного Матрасова? Мне стало стыдно за свое поведение.

Я взяла Матвея за руку и уткнулась в его шею.

– Прости, – буркнула неразборчиво.

– Чего ты? – Матвей недоумевающе и как-то благодарно обнял меня.

Конечно, клеить половину матраса было несолидно. Мы

и не стали. Вместо этого активизировался Егор: он обзавёлся полезными знакомствами на «Тавриде», знал, кому и что можно скинуть, чтобы получился нужный эффект. И вот наутро фото моих соседей на матрасе или просто матраса на крыльце разлетелось по всем чатам команд в Телеграме. Участники форума стали обсуждать матрас.

Мы лежали на пляже, когда мимо нас прошла компания девочек. До нас отчетливо долетело слово «матрас», и мы подскочили.

– Что вы сказали?

– А? Мы? Ничего...

– Но матрас?!..

– Ну да, сегодня к нам в группу скинули: кто-то гениальный вытащил матрас на крыльцо домика и теперь там чиллит, ха-ха, надо так же сделать!

– Да нет же! Нет! – Мы наперебой стали объяснять нашу трагедию.

– Это мы вытащили матрас, а нас заставили его убрать! У нас было уже целое государство, Южное Матрасово, но нас заставили, понимаете... заставили!

– Матраса больше нет на крыльце...

– Как нет?! Нельзя же это оставить так просто! Не дадим матрас в обиду! Матрас! Мат-рас! Мат-рас!

К скандированию присоединилась еще пара компаний, отдохнувших на пляже. Кто-то действительно переживал за судьбу матраса и нашего государства, а кто-то просто хотел

покричать, почувствовать себя частью чего-то целого, большого, единого... Такого единого, как наше маленькое Южное Матрасово...

Я наблюдала, как стихийный митинг охватил весь пляж, как взлетали в небо кулаки, как единый ритм объединил всех-всех, кто окружал нас.

Это же целая история. Нельзя, чтобы о ней не узнали, чтобы про нее забыли. Я собралась с духом и включила камеру на телефоне. Эти кадры – они будут моим вкладом в общее дело.

* * *

– Матрас, матрас, матрас... – Сдавленное шуршание растекалось по компаниям ребят, которых мы встречали по пути с пляжа в столовую.

– Ну это мощь, – сказал воодушевленный Матвей, плюхнувшись за столик в столовой. – Я напишу стихотворение!

Он снял с себя маску – вынужденное последствие недавно отбушевавшей пандемии – и прямо на ней стал черкать строчки:

Крым, море, пляж. И можно расходиться —
Учиться, отдыхать и любоваться.

Наделать фоток: фон – три слова по традиции,
Писать посты-полотна в три абзаца.

Сидеть под вечер безмятежно на террасе.
Пить чай, не вылезая из-под пледа.
Включить музю и всю неделю на матрасе
Смотреть на солнце, волны, звезды, небо.

Матвей Матюшкин

Еще через несколько минут стихотворение перекочевало с импровизированного черновика в книгу отзывов и предложений, которую Матвей нашел тут же, в столовой.

– Что записываем? – Пронзительный голос Лены неожиданно зазвенел над нашими ушами.

– Вот, стих написал, я же поэт, – пробубнил Матвей.

Егор за соседним столиком напрягся.

– Дай-ка почитать, – звякнула Лена, выхватывая книгу отзывов.

Ее глаза пробежались по строчкам и увеличились в два раза.

– Опять вы со своим матрасом! Сколько можно?! Вся Та-врида о нем трезвонит, невозможно уже. Чтобы я больше не слышала и не видела ничего, связанного с этим вашим матрасом! Поняли?!

Было жалко смотреть на шокированных и расстроенных Егора и Матвея. Неужели все усилия впустую? Неужели Южное Матрасово останется под запретом?..

Я разозлилась. «Ничего не слышала и не видела, связанного с матрасом»? Ну хорошо. Лена ничего не услышит и не

увидит, зато прочитает! Я напишу новость, пост, репортаж, нет... Я напишу целый рассказ! Рассказ про матрас!

Тоня Елкович. Тоня – болтливая книжка

Привет. Приве-ет! Меня Тоня зовут. А тебя?..

Ладно, можешь не отвечать. Мне вообще редко кто отвечает, так что я уже привыкла. Кому же в голову придёт разговаривать с книжкой? Хотя, наверное, и такие люди найдутся... Чем я, собственно, плохой собеседник? Кто-то, конечно, может возразить, что, мол, глупости, книжки не разговаривают. А я в ответ как возьму да спрошу: чей же голос тогда ты слышишь у себя в голове, когда читаешь эти строки?.. Чей?! Правильно! Это я! То-о-оня. И есть у меня для тебя одна интересная история...

У моего человека я – самая первая бумажная, оттого и самая любимая книжка, не считая его вредных стихов, которые вечно кричат что-то громко, но невнятно, выпрашивая похвалу, а иногда и вовсе сами перед собой красуются. Но я с ними не вожусь. У меня другие цели. Я мечтаю найти друга. Друга, который захочет со мной говорить. А ещё лучше, если много друзей! Потому что главный смысл жизни любой уважающей себя книжки в том, чтобы пообщаться с как можно большим количеством людей, а в идеале – с целым миром. Что? Может быть, ты думаешь, я зазнайка? Не-е! Ну, разве что чуть-чуть... На самом деле, мне просто очень любопыт-

но, как разворачивается реальность за пределами моих страниц. Поэтому мой человек, как только узнал о такой возможности, сразу отправил заявку на участие в «Тавриде».

Мне вообще с моим человеком очень повезло, он искренне разделяет мою мечту и всячески мне помогает. Слушай, а у тебя есть мечта? Интересно, какая она... В любом случае пусть сбудется! Мечты ведь и существуют для того, чтобы сбываться, а книги – чтобы вдохновлять на добрый путь.

Вот и моя мечта сбылась: заявку на участие приняли, и мы с моим человеком отправились в антишколу литературы и медиа. Большие слова, большие люди. Я совсем не знала, чего ждать. Да и первые читатели критиковали меня, и я понимала, что далеко не шедевр и мне нужно упорно трудиться, чтобы стать лучше. Но я всегда откуда-то знала, во мне как будто между строк написано, что пусть я не самый идеальный собеседник, но это не лишает меня шарма и права говорить. И я точно буду ближе к своей мечте, если начну свой путь прямо здесь и сейчас и, потихоньку набираясь опыта, вырасту уже по дороге. А то даже не успею оглянуться, как мои страницы пожелтеют, обложка станет тусклой, а внутри останется одна только горечь, что я все еще недостаточно хороша. Ну уж нет! Я есть! И я очень хочу поскорее со всеми познакомиться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.